

П. БИЦИЛЛИ
ИСТОРИОГРАФІЯ МИЛЮКОВА *

Появленіе новаго изданія части Очерковъ слѣдуетъ признать событіемъ въ русской исторической наукѣ. Въ сущности это совершенно новая книга. Въ обоихъ ея отдѣлахъ главное мѣсто отведено фактамъ послѣреволюціоннаго періода, и въ изложеніи ихъ достигнута, кажется, исчерпывающая полнота, — результатъ поистинѣ поражающей начитанности и умѣнія овладѣть громаднымъ матеріаломъ. Своей работой П. Н. Милюковъ показалъ, что для подлиннаго историка нѣтъ разницы между «настоящимъ» и «прошлымъ» и что «настоящее» можетъ быть въ такой же степени предметомъ научнаго изслѣдованія, какъ и «прошлое». Читая эту книгу, мы, при переходѣ отъ того, что для насъ «прошлое», т. е. отъ дореволюціоннаго времени, къ тому, что для насъ «настоящее» (періодъ послѣ революціи), не замѣчаемъ никакого перелома въ изложеніи, никакого «разрыва непрерывности» — до такой степени авторъ выдержалъ научную точку зрѣнія; что, конечно вовсе не значитъ, что авторъ подошелъ «равнодушно» и «безчувственно» къ тому, что всѣхъ волнуетъ и во всѣхъ будитъ страсти: научное б е з п р и с т р а с т і е совсѣмъ не то же, что б е з с т р а с т і е, и мастерство историка, заслуживающаго этого имени, коренится не въ томъ, что для него и «настоящее» обращается въ «прошлое» въ томъ смыслѣ, что до явленій этого настоящаго ему какъ до прошлогодняго снѣга, а въ томъ, что и «прошлое» для него «настоящее» — одна и та же неумирающая, пульсирующая жизнь. Но съ другой стороны: послѣднее утвержденіе не значитъ, что такой историкъ пишетъ «какъ публицистъ», т. е. что онъ обрабатываетъ историческій матеріалъ въ угоду злободневному «тезису», чего никогда не дѣлалъ П. Н. Милюковъ, хотя онъ и былъ и остается столько-же публицистомъ, сколько и историкомъ; оно значитъ только (но это «только» въ исторической наукѣ в с е), что историкъ переживаетъ самого себя какъ «часть» того историческаго потока, въ которомъ онъ движется.

Это-то и сообщаетъ превосходной книгѣ П. Н. Милюкова ея рѣдкую

* П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Томъ II. Часть первая: Церковь и религія. Литература. Парижъ. Изд. «Совр. Зап». 1931.

и необыкновенно привлекательную жизненность, — то самое, что обуславливает вѣчное, неумирающее значеніе классических твореній исторіографіи, когда бы они не были написаны.

Партийная точка зрѣнія Фукидида и Ливія, Тэна и Маколея принадлежит изжитому, «отработанному» жизнью прошлому и въ ихъ книгахъ, сама является подлежащимъ обработкѣ «сырымъ», т. е. мертвымъ, историческимъ матеріаломъ, матеріей, которую историкъ исторіографіи долженъ оформить, т. е. вновь оживить. Жизненность книги П. Н. Милюкова сказалась на цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ по тонкости, глубинѣ и точности (результатъ исключительнаго дара сочувственнаго пониманія) характеристикъ отдѣльныхъ направленій и ихъ представителей, характеристикъ, которыя несомнѣнно стануть классическими.

Высказавъ это, я позволю себѣ высказать и то, чѣмъ книга П. Н. Милюкова обращающагося къ ней не удовлетворяетъ (оговариваюсь, что я считаю себя вправѣ сдѣлать критическія замѣчанія только на второй отдѣлъ ея — о литературѣ). Уже при бѣгломъ чтеніи книги бросается въ глаза несоразмѣрность отдѣльныхъ ея частей. Сравните, напримѣръ, сколь значительное мѣсто отведено въ ней Горькому и сколь ничтожное Достоевскому и Толстому (даже если принять во вниманіе, что о нихъ говорится и въ первомъ отдѣлѣ). Нѣкоторымъ же писателямъ — и какимъ! (Лермонтову, Тютчеву, Грибоѣдову) и вовсе не нашлось мѣста въ занимающемъ около двухсотъ страницъ очеркѣ, посвященномъ литературѣ. Они, очевидно, не втиснулись въ схему («Секуляризація литературы»). Мнѣ кажется, что поэтовъ съ такой остротой метафизической интуиціи, каковы Лермонтовъ и Тютчевъ, все же можно было бы включить въ опредѣлившіяся схемой рамки, не ломая ихъ. Автору, конечно, виднѣе. Но въ такомъ случаѣ: тѣмъ хуже для схемы. Ясно, что «секуляризаціей» литературы, т. е. собственно говоря отрицательнымъ опредѣленіемъ сущности новѣйшей русской литературы, какъ культурно-историческаго факта, дѣло не ограничивается. Что останется отъ русской культуры, если изъ нея вычеркнуть Лермонтова, Тютчева, Гоголя (удовлетвориться, называя Гоголя, указаніемъ, что онъ былъ «реалистомъ», какъ это дѣлаетъ авторъ, значить вычеркнуть Гоголя), Розанова, котораго авторъ не пристроилъ не только во второмъ, но и въ первомъ очеркѣ?

Конечно, книга П. Н. Милюкова не *vade mesum* учителей словесности и истории, не энциклопедія, не справочникъ, и если бы она была загромождена перечнемъ именъ съ помѣтами, когда и гдѣ такой-то писатель родился и умеръ и что написалъ, то это составило бы ея недостатокъ, а не достоинство. Но рѣчь сейчасъ вовсе не объ этомъ. Книга П. Н. Милюкова есть опытъ (покуда — единственный) культурно-историческаго синтеза, синтеза русской культуры. Подчеркиваю слово русской, ибо я убѣжденъ, что авторъ не имѣетъ въ виду русскій культурно-историческій процессъ, какъ только примѣръ всякаго такого процесса, какъ только поясненіе, какъ вообще движется культура (тогда бы я не считалъ, что отмѣченныя умолчанія автора являются въ его книгѣ пробѣлами), но также желалъ его индивидуализировать. И вотъ съ этой точки зрѣнія и составляетъ первостепенную, исключительную важность фактъ внезапнаго появленія столькихъ единственныхъ, исполинскихъ, другъ отъ друга независящихся, другъ на друга «несводимыхъ», творческихъ геніевъ. Съ фактомъ новой русской литературы — этимъ подлиннымъ и грандіознымъ чудомъ — можно сопоставить развѣ чудо нѣмецкой музыки и философіи к. XVIII — н. XIX ст. и чудо итальянской живописи и скульптуры періода Ренессанса. И тутъ и тамъ каждый творческій геній возносится на головокружительную высоту и притомъ возвышается уединенно, каждый образуетъ какъ-бы свой собственный космосъ, является «школой самъ по себѣ». И русское чудо «еще болѣе чудо», чѣмъ итальянское и нѣмецкое. За итальянскимъ и нѣмецкимъ «возрожденіями» лежитъ долгая, неумирающая культурная традиція, такъ что собственно никакого «воскресенія» культуры «изъ мертвыхъ» — формула, выкованная итальянскими возрожденцами, — тамъ не было. Но что касается русской литературы, самъ П. Н. Милюковъ, въ краткомъ, но на рѣдкость содержательномъ очеркѣ истории русскаго литературнаго языка, замѣчаетъ совершенно вѣрно, что здѣсь былъ, въ XVIII вѣкѣ, полный разрывъ съ традиціей. Данте развилъ и усовершенствовалъ «изящный новый слогъ» (*dolce stil nuovo*). Первый великій русскій поэтъ обязанъ своимъ величіемъ тому, что былъ — безграмотенъ (вспомнимъ, что говорилъ о Державинѣ Пушкинъ), что съ безоглядностью варвара, дикаря, исказилъ, искромсалъ слагавшіяся въ его время рѣчевые, композиціонные, стилистическіе каноны (см. объ этомъ тонкія замѣчанія

В. Ходасевича въ его монографіи о Державинѣ) и создалъ с в о й с о б с т в е н н ы й , непохожій на «обще-русскій» (котораго въ его время и не было) литературный языкъ, языкъ на столько н е -русскій, что Пушкинъ (и въ этомъ глубоко ошибался) утверждалъ, что гениальность Державина открылась бы во всей полнотѣ, если бы его перевели на какой нибудь литературный языкъ. Въ меньшей степени это приложимо и къ Толстому, у котораго учителя словесности находятъ «галицизмы» въ языкѣ и «тяжелое построение фразы», и къ Достоевскому, который, согласно оцѣнкѣ всѣхъ «людей со вкусомъ», писалъ вообще «дурно». Ни одна литература не даетъ столькихъ примѣровъ въ подтвержденіе, казалось-бы, парадоксальной теоріи К. Фосслера о творческой роли «ошибокъ», какъ русская. Но это своеобразіе строенія русской литературы, какъ «становящагося» историческаго факта, характерна для в с е й русской культуры, во всѣхъ ея сферахъ и проявленіяхъ. Въ катастрофической стремительности русскаго культурнаго развитія, въ богатствѣ и разнообразіи осуществляемыхъ возможностей и бѣдности поддающихся учету результатовъ, въ абсолютномъ совершенствѣ отдѣльныхъ «достиженій» и въ отсутствіи общаго «уровня» заключается снова индивидуализація русской культуры — проблема громаднаго интереса и первостепенной важности. Было бы величайшей несправедливостью утверждать, что авторъ Очерковъ обошелъ ее. Напротивъ, въ другихъ частяхъ ихъ онъ, въ рядѣ мѣстъ, ее затрагиваетъ и подводитъ насъ къ ея разрѣшенію.